

31.05.2014, 14:14 Москва

СТАТЬИ

Стратегия-31: смерть или другая жизнь?

СОГЛАСОВАЛИ

Сегодня в 18:00 на Триумфальной площади пройдет митинг в рамках «Стратегии-31», который в отличие от подавляющего большинства аналогичных акций прошлых месяцев и лет был согласован с московскими властями.

Основной идеей «Стратегии-31» была защита принципа свободы собраний, заложенного в 31-й статье российской Конституции (поэтому мероприятия проводились по 31-м числам). Сегодня ОВД-Инфо публикует материал, посвященный истории «Стратегии-31» в Москве, и мнения и воспоминания людей, в разное время участвовавших в ее мероприятиях.

Как объясняют активисты «Другой России», которая в настоящее время является фактически единственным организатором мероприятия, в этот раз было принято

решение поменять заявителей. В течение долгого времени в заявителях мероприятий «Стратегии-31» значились люди, в отношении которых до этого были вынесены судебные решения об административных правонарушениях. Согласно законодательству, в таком случае мероприятие согласовано быть не может. Пресс-секретарь «Другой России» Александр Аверин **заявил**, что идея поменять заявителей (до сих пор они не менялись несмотря на действующее законодательство) возникла из-за **законопроекта**, вводящего уголовную ответственность за нарушения при проведении митингов, хотя он пока был принят только в первом чтении.

Сергей Фомченков, член Исполкома «Другой России»:

Власти мало предсказуемы. В этот раз разрешили мероприятие и пошли нам навстречу. Если практика продолжится, мы как минимум не будем отказываться от этой площадки, потому что пять лет добивались. Конечно, мы будем развивать «Стратегию-31», а как, в каких формах — надо будет понять, посмотрим, как в этот раз пройдет. Сейчас будет митинг, как мы и добивались пять лет. Мы подавали заявку на митинг. Формат называется «открытый митинг», то есть любой человек может прийти и задать вопрос выступающему. Свободная площадка. Мы по-прежнему считаем, что граждане России имеют право выходить в соответствии с Конституцией, где хотят и когда хотят. Это их право на выражение общественного мнения, и это, на самом деле, их право на управление страной. Митинги и собрания — это один из элементов управления политической ситуацией в период между выборами, когда ты не можешь никак влиять на происходящее, кроме как в какой-то момент выйти и сказать «Я не доверяю этой власти». Свобода собраний — это не просто прихоть, это один из способов влияния на власть, так как власть в стране принадлежит народу, это важное, неотъемлемое право граждан России.

За последние несколько лет мы мэрию добились, она готова была согласиться на проведение акции, только формально при всем желании не могла разрешить, поскольку у заявителей были административки. Мы решили пойти навстречу и проверить, действительно ли, если мы поменяем заявителя — а они еще год назад нам это предлагали, — они пойдут нам навстречу и согласятся. Получилось, что и мы своего добились, и мэрия смогла сохранить лицо. Они уже хотели разрешить, как оказалось, — настолько им надоела эта история. Мы их сломали, на самом деле, получается. Это победа, несомненно. Дело в том, что в нынешней обстановке битва оказывалась совсем бессмысленной. Мы уже все доказали, и «Стратегии-31» нужно какое-то развитие. В том виде, в каком она есть, она в определенном смысле зашла в тупик: ни они не победили, ни мы. Необходимы же какие-то победы, прорыв вперед, и, с этой точки зрения, нужны изменения, чтобы вдохнуть новую жизнь в «Стратегию-31», вывести ее на новый уровень. Мы решили попробовать такой путь и в итоге добились свободной площадки в центре Москвы, там, где митинги практически никому не разрешают. И если эта история не изменится, то мы планируем эту площадку закрепить как площадку свободных, открытых митингов, и каждое 31-е любой человек может прийти и высказать свое мнение. Не гайд-парк где-то на задворках Москвы, в закуточке, в резервации, а именно то место, на котором мы настаивали изначально. И пусть мы потратили столько времени и сил, потратили пять лет, но мы добились.

Мы не пошли на уступки — мы просто соблюли формальности. Мы исходим из того, что подаем заявку в соответствии с законом, и нам ее в соответствии с законом должны удовлетворить. Мы оспаривали в Конституционном суде закон, в котором говорится, что заявителями не могут быть те, у кого есть два нарушения. Мы проиграли. Мэрия не может изменить закон, тем

самым мы ставим и их, и себя в тупиковую ситуацию, и в результате никакого развития «Стратегии» не наблюдается. До этого мы не давали им шанс, мы пытались изменить тот закон, но в условиях, когда все остальные политические силы, в том числе называющие себя оппозиционными, давно отказались от идеи борьбы за свободу собраний, давно уже идут на любые соглашения и уступки власти, мы бились фактически в одиночку. Мы остались единственными, кто отстаивает эту идею. И в каких-то моментах Конституционный суд даже согласился с нами. И мы не уступили ни в чем, для нас всегда было принципиально место и время — 18 часов, Триумфальная площадь. «Стратегия-31» — это борьба за свободу собраний, и цель этой борьбы — добиваться результата. Мы добились результата, тем самым мы выполнили свое обещание. Мы, наверное, единственная партия в России, которая выполняет свои обещания, не отступает и не идет на соглашения. А с заявкой мы соблюли все формальности, как того требует закон. Мы показали, что можно проломить стену. Конечно, стена до конца не сломана, понятно, что надо бороться и против того закона, который ограничивает участие людей в заявке, в мероприятии, уголовную ответственность сейчас планируется ввести. Против всего этого надо бороться. На пути «Стратегии-31» надо идти дальше, мы идем дальше и показываем людям пример, что можно добиться площадки в центре Москвы, не идя на какие-то переговоры под бутылочку вискаря в мэрии, как делают другие, а именно законным путем.

Мэрия нам разрешила до ста человек. Много людей мы не ожидаем и особо это мероприятие не рекламируем, чтобы не превысить численность. Ожидаем, что придут самые стойкие борцы, оставшиеся верными этой идее до конца, а не те, кто поучаствовал и бросил.

НАЧАЛО И ВЗЛЕТ

Формально первое мероприятие в рамках «Стратегии-31» в Москве состоялось 31 июля 2009 года на Триумфальной площади, однако два прошедших перед этим мероприятия по 31-м числам — 31 января и 31 мая в том же месте можно также считать относящимися к этой концепции, тогда еще не сформулированной. Активисты «Другой России» утверждают, что идея «Стратегии-31» целиком принадлежит лидеру партии Эдуарду Лимонову. При этом, если выход 31 июля 2009 года был действительно подготовлен «Другой Россией», то большая часть мероприятий была подготовлена Оргкомитетом, в который, помимо членов «Другой России», входили и представители других оппозиционных движений.

Московские власти отказывались согласовывать мероприятия в рамках «Стратегии-31». В течение первых лет проведения мероприятий мэрия согласовывала на том же месте в то же время другие мероприятия, предлагая участникам «Стратегии-31» другие площадки, от которых те отказывались. Осенью 2010 года на Триумфальной площади начались археологические раскопки. Многих выходивших на Триумфальную по 31-м числам задерживали, Эдуарда Лимонова нередко задерживали еще до того, как он успевал выйти на площадь, иногда возле его дома.

Самое массовое мероприятие в рамках «Стратегии-31» в Москве состоялось 31 мая 2010 года, когда на Триумфальной площади собралось около 2000 человек и было задержано 170 — рекордное в статистике «Стратегии» количество.

Матвей Крылов, художник-активист:

Мне предложили заняться поддержкой проекта «Стратегия-31», я согласился и с первых же дней днями и ночами занимался только им. «Стратегия-31» стала моей основной идеей на несколько месяцев, наверно. Я завел блог, вел его, он обновлялся несколько раз в день.

Было очень много сделано, я получал от этого удовольствие. За первые полгода мы сделали очень много. Я занимался организацией мероприятий, входил в Оргкомитет, отвечал за агитацию, занимался продвижением «Стратегии-31» в социальных сетях. Мы распространяли листовки, делали футболки, значки, вывешивали растяжки. Примерно за месяц до того, как меня посадили, я организовал публичную встречу с Оргкомитетом «Стратегии-31» в Сахаровском центре. Это была моя идея — выйти в публичное пространство и сказать: мы реальные организаторы. Раньше «Стратегия-31» воспринималась как какая-то скрытая группа, которая что-то готовила, а потом объявляла людям. А тут мы предложили, наоборот, делать все вместе.

Акция 31 января 2009 года должна была начаться ровно в тот момент, когда закончится согласованный митинг КПРФ. Но кто-то принес туда две дымовые шашки и запалил их, и тогда полиция попросила КПРФ закончить митинг на полчаса раньше. Так он и закончился, а мы остались там ждать Лимонова. Мы стояли посреди пустой Триумфальной площади и довольно сильно выделялись. Понятное дело, менты знали, кого мы ждем. Нас начали задерживать, очень жестко винтили. Все это тогда напоминало какую-то «зарницу». Вряд ли мы могли тогда думать, что это начало новой традиции, для нас это была обыкновенная рядовая акция. Но странно, что на стикере, который я делал к акции 31 января, была полностью написана 31-я статья Конституции. И через четыре месяца Лимонов предложил идею «Стратегии-31».

В августе 2009 года мы решили дополнить «Стратегию-31» еще чем-то, и появилась идея читать стихи у памятника Маяковскому. Так родились «Маяковские чтения». И долгое время «Маяковские чтения» и «Стратегия-31» — это были, условно говоря, продукты, которые выходили под одним и тем же лейблом. Началось с того, что Лимонов, когда объяснял, почему

в качестве места проведения акции мы выбираем Триумфальную, сказал, что здесь еще в 1960 году собирались несогласные. Я спросил: «А почему бы сейчас не провести поэтические чтения». И он предложил мне это организовать. Мы сделали чтения, а потом придумали так, чтобы они тоже имели какую-то традицию и стали проходить каждое последнее воскресенье.

И периодически последнее воскресенье совпадало со «Стратегией-31», и тогда мы делали заявление о том, что сегодня поэты будут читать стихи не просто у памятника, а внутри акции. Мы выходили, и в тот момент, когда шли задержания, мы читали стихи, и выглядело это, наверно, так же, как в 1961 году, когда людей задерживают, а кто-то продолжает читать стихи.

После выхода из тюрьмы я как-то охладел к этой истории, мне уже не хотелось вкладываться в нее так же, как раньше.

Роман Попков, бывший руководитель московских нацболов, гражданский активист:

Я несколько раз участвовал в акциях «Стратегии-31» на волне популярности в 2010 году — в июле и в августе, по-моему. По поводу 31-го числа у нас был спор с Эдуардом Лимоновым. В принципе, мы считали эту идею позитивной сама по себе в плане политическом и идеологическом: хорошо, что люди, простые люди могут выходить, это способствует их самоорганизации, гражданскому сознанию. Но партийцы не могут просто выходить, как обычные разгневанные горожане. Просто выйти и стоять там руки в брюки и ждать, пока ОМОН подбежит, и упасть ОМОНу на руки — это плохо. Нацбол — он на то и нацбол, что он должен немножко повышать градус общий, он должен быть немножко более злым, чем основная масса протестующих. Мы Лимонову, еще пока были в его структуре и когда уже было понятно, что он к Триумфальной прикипел и уже обдумывает связать

с ней всю свою жизнь, предлагали: «Эдуард, давайте сделаем так. ОК, простые люди выходят, обычные активисты гражданские выходят, либералы выходят, хорошо. Но нацболы должны быть немножко круче. Необходимо что-то выдумывать в рамках этой стратегии, но немножко более озорное». Была идея, например, на 31 мая просто оккупировать все выходящие на Триумфальную площадь крыши и вывесить там гигантские баннеры, и засыпать все листовками, разжечь там файера. Людям было бы интереснее стоять на площади, когда еще и там такой кипеш. Была идея снять номер в гостинице «Пекин» и оттуда вывесить огромный баннер. Лимонов сказал: «Ну, да, наверно, пожалуй», — дал добро. Дело было, по-моему, 27 мая. 30 мая у нас уже все готово, уже люди подобраны, уже все закуплено — он внезапно, мне до сих пор непонятно, почему, дает отбой: нет, наша задача — просто выйти. Ну, просто выйти — хорошо, но дело в том, что когда нацболы просто выходят и не думают головой, а думают только ногами, работают ногами, они постепенно теряют квалификацию, они перестают уметь делать что-то еще, они становятся в пассивную позицию, не говоря уже о том что приток волонтеров в НБП шел под маркой героизма, какого-то такого драйва, а когда нацболы просто стоят в толпе — ну, какая тут партийная реклама? Парадоксально, но факт: 31-е число гремело несколько лет, сам Лимонов лично приобрел на этом огромную славу как политик, но для партии выхлоп был нулевой. Я просто знаю доподлинно, что за время «Стратегии-31» количество членов «Другой России» снизилось.

Дмитрий Смирнов, в прошлом — гражданский активист:

Некоторое время, когда я еще не участвовал в акциях, мне было неловко, что я не участвую, в том числе в «Стратегии-31», но в случае со «Стратегией-31» для меня ограничением было то, что я никогда не был

сторонником «Другой России» в идеологическом плане, а это их акция. А тут я прочел в интернете обращение, видимо, Лимонова, что они приглашают всех и не только единомышленников. Поэтому я счел, что ко мне с их стороны не будет претензий, что я участвую, не будучи единомышленником. Кроме того, в акциях участвовали люди, которых я знал и к которым очень хорошо относился, поэтому мне было очень приятно поучаствовать с ними вместе. И начиная с октября 2009 года, насколько я помню, я довольно долго участвовал регулярно.

«Стратегия-31» — одна из правильных акций, у нее правильная тема. 31-я статья нарушалась очень широко тогда, и сейчас тоже, это является большой проблемой. При этом это много где происходит, и нет достаточных ресурсов, чтобы каждый раз к этому в должной степени привлекать внимание. А тут это был такой способ сосредоточить внимание на этой проблеме. Тем самым это было проявлением солидарности со всеми акциями, которые разгоняются.

Если говорить абстрактно, то идея выходить без согласования в каких-то ситуациях правильна, а в каких-то неправильна. В каких-то ситуациях лучше пойти на компромисс, но провести большую согласованную акцию, которую иначе не проведешь. В каких-то ситуациях — наоборот. Но, именно учитывая смысл «Стратегии-31», было правильным отказываться от всяких незаконных уступок. Я помню, что примерно то же самое говорил во время дискуссии в Сахаровском центре, вскоре после раскола. Я говорил, что если смысл «Стратегии-31» в том, чтобы привлечь внимание к нарушениям 31-й статьи Конституции и законодательству на эту тему, то как раз логично именно в рамках «Стратегии-31» не идти ни на какие незаконные требования со стороны властей.

Помню, что как раз в первый раз, когда я пришел, я сильно опоздал, и всех уже более или менее свинтили. А потом уже я вместе с несколькими людьми был свинчен, когда я уже уходил оттуда, то есть даже не там и не участвуя на тот момент ни в чем. Видимо, товарищи план не выполнили. 31 декабря 2009 года я был в компании с Севой Чернозубом и ставшим впоследствии известным Леней *бнутым, мы ходили с елочкой и были свинчены в тот момент, когда эту елочку воткнули в снег на какую-то огороженную по непонятным причинам территорию, что тоже показывало абсурдность происходящего. Помню 31 декабря в другой год, когда я только появился, не успел ничего сделать, приятель вручил мне мандаринку, и только я начал ее есть, как меня с половинкой мандаринки утащили в автозак. Что всегда производило сильное впечатление, это то, что даже при, как правило, относительно небольшом количестве людей пригонялось огромное количество полицейской техники, машин, которые стояли в безумных количествах вдоль Тверской с обеих сторон. Тем самым цель привлечь внимание к совершенно неадекватной реакции властей на попытки граждан что-то высказать вполне достигалась.

СОЮЗ С ПРАВОЗАЩИТНИКАМИ И РАСКОЛ

Идея борьбы за свободу собраний была поддержана не только представителями оппозиционных движений и гражданскими активистами, но и правозащитниками. В итоге 31 октября 2009 года одним из трех заявителей мероприятия стала глава Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева (двумя другими были Эдуард Лимонов и покойный активист Левого фронта Константин Косякин). Спустя год, в преддверии мероприятия 31 октября 2010 года, Алексеева договорилась о согласовании митинга на Триумфальной с заместителем

главы президентской администрации Владиславом Сурковым, причем с почти вдвое меньшим количеством участников, чем предполагалось ранее. Это стало причиной конфликта с Лимоновым. В результате 31 октября на Триумфальной площади одновременно состоялись согласованный митинг, собравший правозащитников и политиков, поддержавших Алексееву, и несогласованный и разогнанный полицией, на который пришли сторонники Лимонова. Позднее вокруг Алексеевой был образован альтернативный Оргкомитет, были попытки примирить стороны конфликта, однако они не увенчались успехом, и 31 декабря на Триумфальной вновь прошло два мероприятия, согласованное и несогласованное. Ситуация повторилась и 31 января 2011 года. В декабре Лимонов и Косякин предложили постоянно живущему в Великобритании общественному деятелю, одному из видных деятелей диссидентского движения в СССР Владимиру Буковскому стать их созаявителем, тот согласился. 31 марта на Триумфальной состоялось уже только мероприятие сторонников Лимонова, альтернативное мероприятие переместилось на Пушкинскую площадь.

Юлия Башинова, гражданская активистка:

Я стала участвовать в акциях «Стратегии-31», когда к ним присоединилась Людмила Алексеева. Для меня это было очень важным моментом, потому что к Лимонову я присоединяться не хотела. А то, что Людмила Михайловна стала в этом участвовать, для меня было показателем того, что, наверное, настало такое время, что надо поддержать эту идею. Тем более что идея свободы собраний всегда была мне близкой. Тогда вообще правозащитники подключились к этой акции, появилось правозащитное крыло. В какой-то момент я была среди десяти организаторов, там были самые разные люди — Канаев из ФАРа, Чирикова, Людмила Михайловна, [Лев] Пономарев, [Олег] Орлов, Рома Доброхотов. Но это был

ужасный опыт. Это был один раз, и я потом отказалась это повторять, потому что как раз тогда это все начало самораздираться изнутри, дробиться, делиться. Я тогда говорила, что с Лимоновым поступают несправедливо: уж раз решили когда-то идти вместе, то сейчас подставлять его, сдавать его чиновникам, идти на поводу у чиновников, удаляя его из организаторов, просто нечестно. Тогда на этих позициях еще стоял Орлов, и в итоге, по-моему, Канаев поддержал тоже, что, если уж договорились, надо прежде всего договариваться между собой, а не с чиновниками. А поскольку я подавала уведомление и получилось две акции, лимоновцы старались успеть раньше. Я просто пришла, как пришла, и выяснилось, что они все равно подали раньше. В общем, было какое-то глупое, дурацкое соревнование. И мне показалось, что все это уже не про свободу собраний, и я отказалась участвовать в Оргкомитете

Именно на той акции меня задержали за то, что я не хотела заходить через рамки. Там такой загончик был, куда всех приглашали настойчиво. А я стояла недалеко от рамок и говорила, что, во-первых, я слежу за тем, как все происходит, а во-вторых, я не хочу туда внутрь заходить. Мне сказали: либо туда, либо сюда — и унесли в автобус. Или увели, не помню.

Наверно, я после этого раскола, посмотрев, как все это изнутри раздирается, и перестала участвовать в этих акциях. Я поняла, что идея ушла, остались конфликты. На Пушкинскую я точно уже ни разу не пришла. Это мне было уже совсем непонятно. Там были понятные мне люди, но они делали какую-то непонятную вещь, продолжая какое-то соревнование. К Лимонову тоже не хотелось приходить.

Павел Шехтман, гражданский активист:

Я присоединился к «Стратегии-31» относительно поздно — первый раз я пришел 31 марта 2010 года.

Просто-напросто это было, когда я вплотную вошел в протестную движуху. Это был яркий протестный проект. Именно поэтому меня возмутило, что Алексеева лишила «Стратегию-31» того элемента акции гражданского неповиновения, который я прежде всего ценил. С этого начался упадок. Пик был летом 2010 года. Но слабое место было в том, что там были соединены два проекта и две логики — правозащитная логика и логика гражданского неповиновения, революционная логика. Формально все это предполагалось как просто акция в защиту свободы слова, но понятно, что Лимонов имел в виду двойное дно: собирать людей, приучать их к единству места, единству времени, приучать их к противостоянию, к гражданскому неповиновению на случай, когда ситуация дорастет до того, что возникнет наш майдан — естественно, по аналогии с первым майданом, 2004 года. Для меня это был такой «оранжевый» проект, но, насколько я понимаю, для Алексеевой и этой группы либеральных правозащитников это был очередной либерально-правозащитный проект. Сурков на этом сыграл. Алексеева могла думать об этом все, что угодно, — что лучше, что хуже для проекта, — но, на мой взгляд, то, что она согласовала акцию за спинами заявителей, не лезет ни в какие ворота. В результате произошел раскол, чего, собственно, и добивался Сурков. Объединение гражданского общества вокруг «оранжевого» проекта, которого власть испугалась, в результате накрылось медным тазом. Гражданское общество расколосось на умеренных либералов и радикалов, между ними началась внутренняя борьба. А перехватив проект, введя его в либерально-умеренное русло, его же и слили. Почему-то никто не обратил внимания, что после нескольких согласованных митингов в конце 2010 — начале 2011 года, когда они громко заявляли, что они победили, что это их победа, все очень быстро закончилось — 31 марта 2011 года был последний

согласованный митинг. Стоило ли, спрашивается, перехватывать проект, чтобы все так рассосалось?

В результате это стало предвестьем того, что произошло в 2011 году. Тогда показалось, что лимоновская концепция сыграла — это было 6 декабря, когда народ спонтанно собрался на Триумфальной площади. Туда нагнали наших праздновать победу, и у них отняли барабан. Это был высший момент подъема, спонтанной активности. А потом история, которая произошла в октябре 2010 года, в других масштабах повторилась с площадью Революции и Болотной. Это было концом проекта Триумфалки. Кучка радикалов, естественно, осталась ни с чем, идея массовой акции гражданского неповиновения была похоронена на площади Революции 10 декабря, и с тех пор она не возрождалась.

«СТРАТЕГИЯ-31» В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Триумфальная в 2011 году воспринималась многими как основное место проведения несогласованных протестных мероприятий, свидетельством чему — сходь на Триумфальной 4 и 6 декабря по следам выборов в Думу. Однако после всплеска протестной активности и проведения массовых митингов оппозиции начиная с декабря 2011 года мероприятия в рамках «Стратегии-31» стали собирать уже меньше участников. Постепенно мероприятия в рамках «Стратегии-31» фактически становятся мероприятиям «Другой России».

По данным ОВД-Инфо, с декабря 2011 года ни одна из 17 московских акций Стратегии-31 не прошла без задержаний. Впрочем, число задержанных сильно колебалось: от 3 до 133. В общей сложности за это время на митингах в защиту 31-й статьи Конституции были задержаны по меньшей мере 604 человека.

Задержания участников Стратегии-31 в Москве были куда более многочисленными, чем в других регионах. Для сравнения, с начала 2013 года и до настоящего момента в Санкт-Петербурге на них было задержано всего 84 человека, хотя задержаниями так же сопровождалось каждое 31-е число. Это почти вдвое меньше, чем в столице (161).

Следует отметить, что организаторы начинают посвящать мероприятия определенным темам, не связанным со свободой собраний. Так, митинг 31 января 2013 был посвящен памяти активиста «Другой России» Александра Долматова, покончившего с собой в Нидерландах 17 января, а также поддержке Владимира Акименкова, обвиняемого по «Болотному делу». 31 августа «Стратегия-31» была посвящена памяти одного из создателей движения Константина Косякина, скончавшегося 10 августа. 31 марта 2014 года мероприятие было посвящено событиям на территории Украины — участники «Стратегии-31» держали баннер «Донецк и Харьков в состав России».

Александр Маноцков, композитор:

Для меня все началось с акций у Соловецкого камня в поддержку Таисии Осиповой. Я присоединился к компании нацболов, которые там сидели, приходил туда,

один раз даже сидел там один, когда они почему-то решили не приходить. А тут уже и очередное 31-е число подоспело, они мне рассказали, что там тоже будут протестовать. Я пришел туда и с тех пор я довольно много посетил этих акций, ходил вплоть до относительно недавнего времени. Я пропустил ту пору, когда это было общепринятым мероприятием, когда в них принимали участие Немцов, Алексеева, это прошло мимо меня, а я ходил, в основном, на те акции, где заправляли нацболы и Левый фронт, пару раз оказывался сидящим на земле вместе с Удальцовым. Довольно регулярно меня там винтили.

Я абсолютно убежден, что так называемые согласованные акции не могут привести к тому, для чего они нужны. Сейчас провести какую-то согласованную акцию, чтобы она была при этом каким-то фактом в информационном пространстве, невозможно: даже с акциями, которые проводятся по бульварам, несмотря на их кажущуюся масштабность, легко сделать вид, что их вообще не было. В телевизор нас не пускают, а в городе то, что происходит на бульваре, никто не видит. Тебя снимают только подобные тебе и выкладывают в интернете для подобных тебе. Те люди, которые и так понимают, что к чему, видят эту демонстрацию, а город ее не видит, страна ее не видит. Получается то, что по-английски называется non-event. Поэтому любая акция, которая как бы не разрешена (хотя по закону они не должны быть разрешены или не разрешены), имеет то преимущество, что, помимо трансляции власти нашего неповиновения, она оказывается заметной, потому что происходит там, где ее реально видят. Такие акции демонстрируют готовность людей выйти за флажки. Сейчас флажки стоят уже таким образом, что демонстрация является не демонстрацией, а оказывается единственным способом влиять на власть и сменять власть. Сейчас та уличная активность, которой я занимался последние несколько лет, просто выведена

в уголовное поле. Но власть не понимает, что ничего кроме этой активности не оставляет тем, кто хочет другой власти. Сейчас возникла ситуация, в которой человек, вышедший на площадь, понимает, что должен идти до конца, он имеет возможность идти только в ситуацию Майдана. Власти сами это создали, загнав этого джинна в бутылку. 31-е некоторое время для многих было возможностью в относительно мирной ситуации (ну, чем мы рисковали, кроме штрафов и того, чтобы быть побитым ментами? да и власть тоже не сильно рисковала) продемонстрировать другую точку зрения — что есть какие-то люди, которые не сдаются. Сейчас эта возможность, с одной стороны, перекрыта, потому что ничего нельзя, а с другой стороны, то, что это сейчас разрешают делать Лимонову, является сообщением, что он стал поддерживать власть, и ему теперь разрешили. Те, кто был шире, чем нацболы, и ходил на 31-е, теперь с Лимоновым уже точно не пойдут никуда.

Владимир Мичурин, гражданский активист:

Первая «Стратегия», на которой я был, имела место в августе 2009 года, мы там держали подзорную трубу, на которой было написано «Ищу гаранта Конституции». Нас свинтили сразу же. В «Стратегии-31» меня всегда привлекала ее основная идея — свобода собраний. Мне кажется правильной идея выходить без согласования и не идти на уступки. Поначалу все «Стратегии» были хороши, но потом все начало портиться, причем уже довольно давно. На мой взгляд, сначала это было связано с тем, что произошел раскол. Тогда мы поддерживали Эдуарда Вениаминовича, потому что он не шел на компромиссы с режимом. Но потом стало понятно, что он тоже не хочет предъявлять принципиальных требований к власти. Окончательно я перестал ходить на «Стратегии» после Украины — тут уже никакого вопроса быть не может, с Эдуардом Вениаминовичем нам на одном поле делать нечего.

Станислав Поздняков, активист движения «Солидарность»:

Я начал участвовать в акциях «Стратегии-31», вероятно, в 2009 году. Это связано с тем, что «Стратегия-31» очень убедительно показывала, что Россия из авторитарного государства начало превращаться в тоталитарное государство, в котором не соблюдаются элементарные права человека, в том числе право на мирное собрание. Потом движение «Солидарность» начало активно поддерживать «Стратегию-31», и можно было ходить в качестве члена «Солидарности» — что-то вроде партийной дисциплины. Если говорить об идее согласования акций, то я вообще человек неконфликтный и считаю, что если есть возможность, то надо договариваться. Но куда уж идти на уступки, когда мы и так пошли на все, какие возможно? Мы всегда подаем уведомления, но очень часто под какими-то надуманными предложениями акции не согласовываются. Можно сказать, что наша бюрократическая машина, которая занимается согласованиями, имеет возможность не согласовать любую акцию, даже при соблюдении любых требований. Поэтому я считаю, что на данный момент, если есть возможность, надо согласовывать, если нет — надо выходить без согласований. Потому что, собственно говоря, согласование — термин довольно бессмысленный. В Конституции ни о каких согласованиях не говорится. Мы подаем уведомление, это делается исключительно для удобства правоохранительных органов и муниципальных властей, чтобы они обеспечили наше право, а мы, демонстранты, митингующие, не помешали никому из мирных дачников, которые регулярно едут на дачу по Триумфалке.

На «Стратегии» раньше было весьма весело, движуха шла по полной. Сейчас я в ней не участвую и не могу ничего сказать. Мне кажется, что спад начался с того момента, когда один из активных участников, Эдуард Лимонов, стал

колумнистом желтой прессы. Я в последний раз был на «Стратегии» в октябре прошлого года. Некоторые из моих знакомых продолжали ходить до недавнего времени в личном качестве. Их основная мотивировка: «Ну, мы же ничего не добились, со свободой собраний у нас по-прежнему плохо — так почему бы не участвовать?» Я считаю, что «Стратегия-31» была раскрученным брэндом, но теперь он утратил свою силу, и можно с тем же успехом устраивать акции по 6-м числам, когда проходят акции солидарности с узниками 6 мая, с политзаключенными.

Павел Шехтман, гражданский активист:

В конце 2011 — начале 2012 года некоторое время люди еще довольно активно приходили на Триумфальную, но постепенно все это превратилось в ритуал, до тех пор пока Лимонов не начал выкидывать все эти фортели. А теперь уже и ритуал накрылся. И в последний-то раз, когда Лимонов поддержал «Крымнаш», почти никто не пришел. Я встретил там единственного знакомого, который просто не знал, что Лимонов выступил в поддержку Путина. Так что все накрылось еще прошлого 31-го, а сейчас просто нет никакой мотивации ни у кого, кроме самого Лимонова и его свиты, выходить 31-го. Проект не просто умер, он этим согласованием формально похоронен. 31-го больше нет. Говорят, что, как некогда Алексеева, Лимонов в угоду администрации, чтобы согласовали, произвел перемены в заявителях. Это возмущает даже последовательных лимоновцев: он сделал то, за что сам же первый в свое время и нападал на Алексееву.

Это было грандиозное движение для воспитания протестной активности. Для протестного актива этот проект имел громадное значение. Я отношу себя именно к тем людям, которые выросли на Триумфалке как протестные активисты. Это огромное количество людей,

которые подошли к декабрю 2011 года уже подготовленными, и они были готовы возглавить что-то, чего не произошло.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Стратегия-31

С 2009 года на Триумфальной площади по 31-м числам проводились несогласованные акции в защиту 31-й статьи Конституции, гарантирующей свободу собраний.

2 33